

*М.В. Карасёва, заслуженный деятель искусств РФ,  
доктор искусствоведения, профессор Московской  
государственной консерватории*

## **В ЦМШ: КАРТИНКИ ПАМЯТИ**

Преподавание сольфеджио в Центральной музыкальной школе стало моей первой работой по окончании Московской консерватории. Попад в ЦМШ в 1982 году по распределению (которое я восприняла как великую честь — это было одним из самых престижных мест педагогической работы для начинающего музыковеда), я постепенно стала «проникать внутрь»: знакомиться со всем укладом жизни школы (или, как её с нежной полуиронией называли ученики, «школки»), с особым темпераментом её одарённых и часто «неформатных» учеников, с громкими фамилиями их родителей, большинство из которых выступало на лучших музыкальных сценах в своём отечестве и за рубежом.

Начинать работать в такой школе молодому специалисту, который, может быть, и имеет в голове кучу творческих замыслов и методических идей, но не обладает достаточной педагогической практикой — дело очень непростое. Особенно важной в процессе такого вхождения становится «помощь зала»: советы и подсказки старших, более опытных коллег по музыкально-теоретическому отделу. Нам (с Валерией Ценовой, Константином Зенкиным) — «молодняку», почти одновременно пришедшему по окончании консерватории работать в отдел — сразу сказали, что работа в школе сложная и очень ответственная и что нам обязательно будут помогать. В первую очередь, думаю, адаптироваться в новых условиях надо было тогда нам с Лерой, поскольку мы с ней (в от-

личие от Кости) в ЦМШ не учились и не знали её учебную специфику (программы, темпы прохождения материала и многое другое) изнутри.

Лера сразу начала работать в старших классах, а мне сначала дали младшие и средние классы. Особой практики работы с малышами у меня тогда не было, и здесь советы и благожелательные подсказки Татьяны Львовны Стоклицкой, специализировавшейся именно на младше-среднем звене, оказались бесценны. Я не могу сейчас вспомнить точно, что именно она советовала мне (работа сольфеджиста в начальном звене соткана из таких мелочей, которые стороннему человеку, хоть и музыканту, могут показаться, на первый взгляд, незначительными и не стоящими обсуждения; к примеру, как лучше пропевать интервал — сверху вниз или снизу вверх и проч.), помнится лишь ощущение обволакивающей тебя доброты и ненавязчивой мягкости. И неизменная улыбка на её лице.

На пороге 90-х годов прошлого века моя дочь Ольга поступила в ЦМШовскую нулёвку, и Татьяна Львовна стала её первым педагогом по сольфеджио. Родители на этих занятиях не присутствовали, всё было по-настоящему, по-школьному: уроки, домашние задания, пение номеров наизусть, дирижирование. Думаю, Татьяна Львовна как никто другой подходила на эту ответственнойшую роль: деликатно, в игровой форме подготовить музыкантов-малышат, будущих ЦМШат, к плавному вхождению в этот сложный мир будущих занятий в школе, «хочешь-не-хочешь» обеспечивавший им большую, почти сразу взрослую учебную нагрузку с многочасовыми занятиями и по специальности, и по другим музыкальным (и не музыкальным) дисциплинам. При всей своей игровой оболочке занятия в сольфеджийной «нулёвке» совсем не

были просто развлекательно-музизирующего свойства: на уроках ставились серьёзные профессиональные задачи. Помню, однажды Ольга пришла с урока сольфеджио и рассказала мне, как Татьяна Львовна делала с ними интересные упражнения: ученики должны были удерживать в памяти звук *ля* в течение всего урока. На протяжении урока, между тем, звучала разнообразная музыка, как бы сбивающая «камертонную настройку уха». В конце занятия детей попросили спеть *ля*, так, как они его помнят. Ольга и сейчас вспоминает этот урок: «Мы вышли из класса в каком-то совершенно просветлённом состоянии, у нас у всех получилось удерживать *ля*!».<sup>1</sup> Возможно, это был первый серьёзный детский успех, а уж как Татьяна Львовна добилась этого за один урок, осталось её секретом. В качестве методического соображения добавлю: часто бывает так: если у ребёнка от рождения даже и имеется абсолютный слух, то в возрасте пяти-шести лет этот слух ещё надо, бывает, что называется, «пробудить». Татьяна Львовна занималась, в том числе, и этим.

В нулевые и десятые годы нашего века мы регулярно виделись<sup>2</sup> с Татьяной Львовной на вечерах встреч нашего общего Любимого класса — выпуска ЦМШ 1995 года. Я вела в этом потоке группу сольфеджио и теории/гармонии *от* и *до* — с первого по одиннадцатый класс, а Татьяна Львовна Стоклицкая и Алла Гургеновна Шахбазян были в этих классах «А» и «Б», и учителями, и классными

---

<sup>1</sup> Добавлю, что в этой группе наряду с детьми — активными абсолютниками (с активным абсолютным слухом) были и неабсолютники, а также неактивные абсолютники. Многие из этих ребят я принимала в первый класс и потом много лет занималась с ними в ЦМШ, поэтому хорошо помню специфику их слуховых данных.

<sup>2</sup> В начале 90-х годов я перешла на основную работу в Московскую консерваторию, а к концу того же десятилетия уже сосредоточилась на ней как на единственной работе.

руководителями<sup>3</sup>. Я по-хорошему поражалась, как Татьяна Львовна помнит, казалось бы, давно прошедшие события из ленты прошлого, с её педагогическими пробами, придумками и новациями — не своими, а своих коллег (!), и как радостно об этом вспоминает. В один из последних вечеров встреч она сказала мне: «А помнишь, ты делала с моими ребятами конференцию-концерт по ладам?»<sup>4</sup> «Конечно, помню, Татьяна Львовна, Вы ещё тогда отдали мне под это мероприятие свой угловой класс (поскольку он был больше), и, вполне возможно, пожертвовали какими-то своими уроками в это время, чтобы привести с собой других ребят и самой прийти послушать... Спасибо Вам за это».

Любил Татьяну Львовну, конечно, не только её Любимый класс. Кажется мне, что сердечно относилось к ней большинство учеников ЦМШ во всех поколениях, которые она вырастила. Особенно понятно это стало в те тревожные осенние дни 2013 года, когда вся моя френдлента в Фейсбуке (во многом состоящая из выпускников ЦМШ) каждый день ждала новой информации по делу внезапного исчезновения любимого педагога. Помню, я была в это время на конгрессе вне Москвы и постоянно проверяла но-

---

<sup>3</sup> Интересно, что именно этот выпуск в большом количестве своих представителей вернулся потом в ЦМШ работать — продолжать педагогические традиции. Среди них Александра Пищугина, Дарья Рябова, Анна Соколова и другие.

<sup>4</sup> Я сделала такой двухчасовой концерт, на котором мои семиклассники рассказывали про лады, отличные от мажора и минора (пентатонику, смешанные и симметричные лады), начиная с Древней Греции и заканчивая сочинениями Оливье Мессяна).

Ребята пели, играли свои собственные сочинения в этих ладах.

Аудиозапись концерта сохранилась, её можно послушать по интернет-адресам:

[http://www.splayn.com/cgi-bin/show.pl?option=RecordInfo&user\\_id=44&record\\_id=2634](http://www.splayn.com/cgi-bin/show.pl?option=RecordInfo&user_id=44&record_id=2634)

[http://www.splayn.com/cgi-bin/show.pl?option=RecordInfo&user\\_id=44&record\\_id=2633](http://www.splayn.com/cgi-bin/show.pl?option=RecordInfo&user_id=44&record_id=2633)

[http://www.splayn.com/cgi-bin/show.pl?option=RecordInfo&user\\_id=44&record\\_id=2632](http://www.splayn.com/cgi-bin/show.pl?option=RecordInfo&user_id=44&record_id=2632)

[http://www.splayn.com/cgi-bin/show.pl?option=MaterialInfo&user\\_id=44&id=1629](http://www.splayn.com/cgi-bin/show.pl?option=MaterialInfo&user_id=44&id=1629)

вые сообщения в теме. Казалось, ещё немного — и всё обойдется. Потом наступила страшная ясность, и тогда в соцсетях бывшие ученики и их родители написали десятки, если не сотни постов: слёзных, скорбных, где чувства ужаса перемешивались со светлыми воспоминаниями детства... А через месяц бывшие ученики Татьяны Львовны, в большинстве из того же Любимого класса, организовали в школе концерт её памяти. Я была на этом концерте — ребята играли совершенно необыкновенно: не просто вдохновенно, но с какой-то особой остротой чувств, с болью от недавних переживаний и в то же время с ощущением единства, как между собой, так и с залом. Через звуки шло Вспоминание.

Вот ещё что всплывает в памяти сейчас, если вернуться мысленно на четверть века назад. В нашем теоретическом отделе в 80-е годы была такая хорошая традиция: по окончании учебного года в ЦМШ, ко дню отпускной зарплаты в начале июля собираться всем вместе у кого-нибудь дома. Вскладчину покупалась еда: подоспевшая к этому времени молодая картошка, огурцы, зелень, селёдка (под разделку, с луком), черешня и прочие нехитрые лакомства, которые были тогда доступны на летних московских рынках. В середине 80-х началась Перестройка — и вот как-то в день очередного такого нашего сборища шла прямая (невиданное ранее дело!) трансляция какого-то партсъезда или депутатского заседания. Мы все устремились к телевизору, смотрели, слушали, спорили, обсуждали ближайшее будущее страны. Глядя на нас с Лерой, Татьяна Львовна, светло улыбаясь, сказала тогда «Они верят!..» В том смысле, что будет теперь у нас что-то новое и хорошее. Не знаю почему, но я запомнила эту её фразу на всю жизнь и достаточно регулярно к ней возвращаюсь. Что было в ней — надежда, радость за новое поколение энтузиастов или мудрое пони-

По инструментальному образованию Татьяна была скрипачкой. И в моём внутреннем представлении так и ассоциировалась со скрипкой, которая никогда не фальшивит. Не лгала, не лгала, не лгала. Ей доверяли свои секреты и дети, и взрослые, потому что она умела хранить чужие тайны как свои собственные — качество, достаточно редкое в наши дни. Чуткая к чужой беде, Таня всегда приходила на помощь, не дожидаясь просьб и обращений. Была при этом человеком достаточно скромным, даже стеснительным, не любила саморекламы, публичных выступлений. Но в принципиальных вопросах, например когда речь шла о задуманной концепции музея, решительно и смело отстаивала свою позицию.

ЦМШ была для Тани не просто местом работы или источником дорогих воспоминаний о детстве. Это было её духовное отечество, её второй дом, в котором она провела едва ли не больше времени, чем в первом. Без преувеличения можно сказать, что школа была её жизнью, а работа с детьми — призванием и делом, в котором она смогла проявить свои лучшие качества педагога, музыканта, человека. Годы учёбы в школе много значили для её личностного становления. Таня вспоминала с необыкновенной теплотой о своих школьных учителях, с восхищением рассказывала об их профессионализме, высокой культуре, широте взглядов. На протяжении многих лет она бережно собирала материалы, связанные с историей школы, деятельностью великих педагогов ЦМШ. У неё были грандиозные планы создания «летописи» школы, «портретов-воспоминаний», истории музея школы. Энергия её планов поражала. Таня любила школу как любят живое существо, и для неё было очень важно донести до настоящих и будущих «ЦМШовцев» память о прошлом школы, о тех, кто составил её славу.

мание того, что всё не раз ещё сменится и что «юности порывы» сколь неизбежны, столь и не окончательны? Думаю, всё же надежда. Она хотела гордиться лучшим из нашего прошлого и надеяться на лучшее из нашего будущего. Потому и создала в школе музей, который теперь носит её имя. А сама она теперь смотрит на нас с фотографии и будто бы говорит: «Да полно вам, ладно — я верю, да и вы тоже».

*А.Г. Шахбазян, педагог  
по музыкально-теоретическим  
дисциплинам*

## **ТАТЬЯНА, МИЛАЯ ТАТЬЯНА...**

**М**ы были рядом много лет. Дружба ведь тоже, как и любовь, может начаться «с первого взгляда». Невозможно было не отозваться на огромное человеческое обаяние, открытость, «распахнутость» всему миру, прямодушие и искренность её натуры.

По жизни нас многое связывало: мы вели параллельные группы в классах, жили по соседству, часто вместе возвращались домой, обсуждая по дороге различные «мировые» проблемы. С ней было легко и интересно общаться, хотя часто наши мнения расходились. Деликатная, тактичная, она прекрасно чувствовала границы «личного пространства» и с уважением относилась к несовпадению во взглядах. К ней можно было подойти с любой проблемой, поделиться огорчением, разделить восхищение чьим-то творением — она была добра, мудра и бесконечно отзывчива.